

МАТРЁНА СМИРНОВА

СТИХИ

ПЕНЗЕНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
19 6 3

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2013г

КРАЙ НАШ ПЕНЗЕНСКИЙ

Край наш Пензенский, привольный,
Вдаль бегущие пути,
Хлебосольный и раздольный —
Есть где душу отвести.
То пригорки, то равнины,
То кудрявые леса,
Тут березка у плотины,
Там калина у моста.
Вьются тропочки, дорожки,
В берег плещется Сура...
Пензяки, народ дотошный,
На все руки мастера:
Мастерят часы и вазы,
Сукна ткут, ботинки шьют,
По заявкам, по заказу
Песни звонкие поют.

ИМЯ НЕЗАБВЕННОЕ

Вспыхнут над селением
Яркие огни.
По заветам Ленина
Зажжены они.
Мы, встречаясь с бурями,
Шли не наугад,
Ласково-прищуренный
Ободрял нас взгляд.
Он нам путь указывал,
Он давал совет,
Мы ему обязаны
Тысячью побед.
Вышло награждение —
Смело в даль гляди,
Светлый образ Ленина
Носишь на груди.
С ним ты не оступишься,
С ним не пропадешь.
Что задумал — сбудется.
Что искал — найдешь.
Имя незабвенное —
Ленин — жизнь сама —
Светлое, нетленное
Торжество ума.

ХОДОК К ИЛЬИЧУ

Емельян пришел со схода,
Стал рассказывать жене:
— Что поделаешь с народом,
Привязались все ко мне:
Поезжай в Москву, и баста,
Побеседуй с Ильичем,
Беспокоит, мол, нас часто,
С продразверсткой упродком.
Может, не было указа,
Сами здесь они творят?
Подчиниться я обязан,
Надо ехать, коль велят...

Сапоги пахучим дегтем
Смазал густо Емельян,
Починил у шубы локти,
Документ зашил в карман,
Привязал мешок на плечи,
Взял кленовый падожок.
И отправился под вечер
К ближней станции ходок.
Паровоз в Москву вагоны
Очень медленно ташил,

Хрипло кашлял на подъемах,
Будто глотку простудил.
Емельян лежал на полке
С продразверсткой в голове.
«Все равно добьемся толку,
Разъяснится все в Москве»...

Бот сидит он в Совнаркоме
В шубу теплую одет.
«Холодище в этом доме,
Видно, дров ни палки нет...»
Наконец, его позвали.
Он заходит к Ильичу:
— О крестьянском деле с вами
Побеседовать хочу.
Ленин встал ему навстречу:
— Проходите... Видеть рад.
«Похудел-то как, сердечный,
Ранен был он, говорят.
Надо ведь, не задрожала
У вражины той рука...»
Сразу, вместе гнев и жалость
Охватили мужика...
Сел в придвинутое кресло
Осторожно Емельян:
— Иль в России нету леса?
Попросили бы крестьян,
Подвезли бы вам дровишек.
Простудиться можно тут.
Ленин слушает, сам пишет:
— Чай сейчас нам принесут.
Говорите, говорите,
Как идут дела в селе?

Ободрился представитель:
— Недостатка нет в земле,
Как наладились Советы,
Втрое шире стал загон.
Сход крестьянский вам за это
Передать велел поклон.
Плохо дело с керосином,
Но ведь нам не привыкать,
Можем в ход пустить лучину...
Перестал Ильич писать,
Поглядел на Емельяна:
— Нет! Лучину скоро в печь.
Мы наметили по плану
Электричество зажечь.
Вот прогоним интервентов,
Жизнь устраивать начнем
И в деревне непременно
Электричество зажжем!
Принесли стаканы с чаем.
Хлеб — с два спичных коробка.
Емельян пожал плечами:
Норма здесь невелика.
— Верно. Хлеб едим над
горсткой, -

Говорит Ильич в ответ, —
Потому и продрозверстка —
У рабочих хлеба нет.
А рабочие старались,
Чтобы были вы с землей.
С ними вы теперь, товарищ,
Жить должны одной семьей.
Ну, а главная задача —
Обеспечить хлебом фронт.
Воин сыт — в бою удача,
Это знает весь народ.

Говорил Ильич, как другу,
Емельян светлел лицом.
Сжал он ленинскую руку
И сказал:
— Не подведем.

Он домой приехал хмурый.
В тот же день собрали сход:
— До чего ж мы некультурный,
Несознательный народ, —
Емельян сказал сурово,—
Город надо поддержать.
Хлеб найдется у любого.
Знаю, нечего скрывать.
Мужики переглянулись:
— Твой намек нам не понять...
— Вы хотите, чтоб вернулись
К нам помещики опять?
Чтоб займы пудишки клянчить
У попа и кулака?..
Удивляются крестьяне —
Подменили мужика.
— Емельян Васильич, что ты!
Нам помещик не с руки,
За Советы все мы.
— То-то.
Насыпайте-ка мешки.

Утром шли подводы в город,
Ветер флаг качал- слегка.
Герб на флаге — Серп и Молот
Виден был издалика.

РЕЧЕНЬКА

Вдоль по полю-полюшку,
Полюшку широкому,
Протекала реченька,
Быстрая, глубокая.

Но по этой реченьке
Корабли не плавали,
Только рыбки шустрые
Жили в тихой заводи.

Да кусты раkitника
В волнах отражались,
Да хлеба зеленые
В поле волновались.

Вот пришли колхозники,
Люди беспокойные:
— А нельзя ли реченьке
Службу дать достойную?

Они думу думали,
Осмотрели пристально
Все изгибы, заводи,
Берега бугристые.

А потом нагрянули
Дружною ватагою
С топорами, с пилами,
Да еще с отвагою.

Преградили реченьке
Люди путь плотиною:
— Наливайся, реченька,
Собирайся с силою!

Пролетело летечко,
Стало небо хмуриться.
На крутом на берегу
Здание красуется.

Дождались и праздничка:
Зданье разукрашено.
— Разливайся, реченька,
По раздолью нашему.

Забурлила реченька,
Быстрая, веселая.
И осенним вечером
Вспыхнул свет над селами.

Огласилось песнями
Полюшко колхозное.
При труде общественном
Нету невозможного!

СТАРИКОВ РОДНИК

Весной на пригорке пробился родник,
Сквозь глину и камни на свет он проник
И, свежую струйку плеснув на песок,
Проделал дорожку, по склону потек.
Его обнаружил старик-садовод:
— Хорошая жила кипучая бьет!
Старик был доволен находкой своей:
— Мы сделаем пользу с тобой для людей.
Сейчас я камнями тебя обложу,
А осенью яблони здесь посажу...
Старик укрепил меж камней желобок,
Вода по нему полилась на песок.
Любуется старый прозрачной водой,
Подставил под желоб в мозолях ладонь
И пьет, не напьется, и мочит свой ус,
— Уж больно приятна водица на вкус!

...Бегут и бегут незаметно года,
Шумливая льется по склону вода,
Над ней наклонились кусты ивняка,
И яблони встали вокруг родника,
Как девушки в бглом, весною стоят.

Листвой молодою тихонько шумят.
Давно уж не видно садовника тут,
Но люди родник Стариковым зовут,
И славит садовника яблонный цвет —
Ведь доброму делу забвения нет.

ДЕД И ВНУК

Молодцом кавалеристом
Был когда-то дед Ефим.
Высекал копытом искры
Конь, взвивавшийся под ним.
Мчался конник за Буденным,
Прыгал в бурную реку,
С юнкеров снимал погоны
Острой саблей на скаку.
А потом он на конюшне
Четверть века службу нес —
Он в коней вложил всю душу
И прославил свой колхоз.
На бегах в своем районе.
И на смотре областном
Им воспитанные кони
Украшали ипподром.
Внук Андрюша бегал к деду,
Приносил ему обед,
Слушал, как ведет беседу
С лошадьми веселый дед.
Он рассказывал им были
Про каурого коня:
— На кусочки б изрубили,
Если б конь не спас меня.

Чуть живой из схватки вылез,
Кровь во рту, в глазах огонь...
Конь меня из пекла вынес.
Ох, и умница был конь!—
Говорил и осторожно
Гривы конские чесал.
— Передам тебе я должность,—
Дед Андрюше обещал.
Лучшей должности Андрюша
Для себя и не желал.
Вместе с дедом на конюшне
И дневал, и ночевал...
Только вышло все иначе:
Честь лошадам отошла.
Становилась все богаче
Жизнь колхозного села.
Дед Ефим ушел на отдых
Внук — хозяин мастерской,
У моторов, самоходок
Пропадает день-деньской.
Нынче вот его послали
За машиной «москвичом».
Старику не скрыть печали:
— Стали кони ни при чем...
Он сучил для лески нитку
В холодочке у плетня.
Распахнул Андрей калитку:
— Дед, иди смотреть коня!
У крыльца, фырча мотором,
Современный конь стоял.
— Замечательная скорость,—
Внук с улыбкой объяснял.
Дед почмокал с сожаленьем:
— С виду конь твой не ахти...
Сел на мягкое сиденье.

— Ну-ка, внучек, прокати.
От крыльца «москвич» рванулся
И пошел печатать след-
Старый конник улыбнулся:
— Никаких придинок нет.
И удобно, и культурно —
Генеральская езда...
Только все же о Кауром
Не забыть мне никогда.

ЖАТВА

Плывет машина в жарком поле,
В ряды укладывая рожь.
Комбайнер весел и доволен —
Денек июльский так хорош!
Стоит комбайнер за штурвалом,
Умело правит капитан.
А небо синим покрывалом
Одело хлебный океан.
Плыви, корабль! Здесь нету шторма—
Попутный дует ветерок.
Одна мечта: удвоить нормы,
Не упустить горячий срок.
Пусть солнце с неба пышет жаром,
Дымится мокрая спина —
Открыты склады и амбары:
Ждут полновесного зерна.
В ряды покорно рожь ложится...
Итог подводит парень дню.
Итог хорош: гектаров тридцать
Как не стояло на корню.
Он шел домой, расправив плечи,
Душа и пела и цвела...
Встречал его прохладный вечер
С большой победой у села.

НОВЫЙ ХЛЕБ

Хлеб—богатство полевое,
Через летний шум и зной
Хлеб идет, течет рекою
В закрома страны родной.
По плечу комбайнам, жаткам
Золотое ремесло.
Хлебный дух, густой и сладкий,
Ветерок несет в село.
Торопливые машины,
Громяхая и пылл,
Пробегают по **Ишиму**
На совхозные поля.
До краев наполнив кузов,
Встречным радостно гудят,
С золотым бесценным грузом
На большой выходят тракт.
Рожь везут, горох, пшеницу
В склад Отчизны пензяки.
Над шумливой вереницей
Вьются красные флажки.
И когда зажгутся звезды,
Нет привычной тишины—
Сгсньки в домах совхозные
Там и тут еще видны.

Сел за стол механизатор.
Бьет в окошко света сноп.
— Хлеб везут на элеватор!—
Горд хозяин-хлебороб.
Скрылась с глаз нужда лихая,
С ней ушли соха и цеп.
Принимай, страна родная,
Наш душистый, новый хлеб!

ИШИМ

Вот стою я на пригорке.
За спиной лесок шумит.
Предо мной, как на ладонке,
Все село мое лежит.
Избы в зелени белеют,
Придел их тес, обшил.
С каждым годом все новее
Ты становишься, Ишим.
Сбросил серую солому
Со своих покатых крыш
И теперь по-молодому
Из-под шифера глядишь.
Как веселые подружки
Со смешиночкой в глазах
Смотрят окна друг на дружку,
В деревянных кружевах.
Весь Ишим охвачен стройкой,
К жизни радостной спешит.
Пойте пилы, звонче пойте,
Обновляйте наш Ишим!
Чтобы с трассы все шоферы
Любоваться им могли,
Об Ишине разговоры
До самой Москвы вели.

ДЕТСТВО

Что-то мне часто стало
Детство румяное снится:
Вот поутру я встала,
Солнце в окошко глядится.
Стекла в морозных узорах,
Пахнет от печки чадом.
Учитель уехал в город —
В школу идти не надо.
Солнечный розовый лучик
Прыгнул ко мне на полати.
Где же твои онучи?
Где твои новые лапти?
Онучи на печке сохнут,
Лапти лежат под лавкой.
Сама обуваюсь плохо,
Помогают мать с бабкой.
Вьются оборы цепочкой,
Новые лапти скрипят,
Платье посконное в клеточку
В полном порядке наряд.
Мать подает из чулана
Стопку овсяных блинов,
Маслом густым конопляным
Мажет их бабка пером.

— Ешь,—говорит,—и за прялку,
Хватит без дела шататься.

— Бабка, а как же ледянка?
Кто ж на ней будет кататься?

Ты же сама отыскала
Где-то в углу решето,
Ох, и ледяночка стала —
Не перегонит никто.

Старая бабка сдается:
«Удержишь такую в избе.
Матери, видно, придется
Прясть на станушки тебе.
Будешь непряха, неткаха,
Замуж никто не возьмет.
За версту хитрая сваха
Нашу избу обойдет».

— На платье себе, на стануткь
Сама и без вас наряду,
Только считайте мотушки,
А замуж совсем не пойду.
Вот поучусь в своей школе,
В город уеду потом.

— Твое-то ученье в поле
Да на гумне с цепом.

Маме девчонку жалко:

— И мы ведь такие были,
Глаза намозолит ей прялка,
Поглощает кудельной пыли.

В старой заплатной шубенке
На улицу я выбегаю.

Машут подружки-девчонки,
К лесочку идти предлагают.
Лес на пригорке за речкой.
Хорош его зимний наряд!

Березки, осинки, как свечи,

Под утренним солнцем горят.
Вьется дорожка крутая,
Лапти скрипят и скользят,
Встали чуть-чуть отдышаться,
Лица румянцем зажглись.
Только туда бы добраться,
А уж оттуда — катись...
Катимся, катимся, мчимся,
Сыплются искры из глаз.
Речки-подвохи боимся—
Ухнешься в прорубь как раз...

Ухнулась! Сразу проснулась.
Гулко колотится сердце.
И в темноте улыбнулась:
Где ж ты, румяное детство?!

КНИГА—ДРУГ МОЙ

Книга, я с тобою
Ночи коротаю—
С радостью и болью
Жемчуг слов глотаю.
Ты мне стала другом,
Быть нельзя нам врозь,
Без тебя бы туго
В жизни мне пришлось,
Умные советы
Сердцу ты даёшь,
Во все части света
За собой ведешь.
Манишь, увлекаешь
В сказочную даль,
В жизни помогаешь
Одолеть печаль.
Ты меня уводишь
В глубину веков,
На ракете носишь
Выше облаков.
Тундрами и джунглями
За тобой хожу.
За людскими судьбами
С трепетом слежу.

К знанию, к ученью
Лестница крутая,
По твоим ступеням
Бодро я шагаю.
Мне с тобой теплее
В дни невзгод и стужи.
Как я тех жалею,
Кто с тобой не дружит.

БЕГУТ МОИ ДУМЫ

Бегут мои думы, бегут к тебе, Ленин,
Твержу, как молитву: — Спасибо, родной!
Меня ты избавил от пыли кудельной,
От прялки-журчалки, от грязи избной,
От стен тараканьих, лохани вонючей,
От бестолкового горе-труда,
От рваной шубенки, лаптей и онучей,
И от всего, чем богата нужда...
Крестьянская дочь. Что мне доля сулила?
Покорную молодость, старость в тени.
До срока, до времени вся б изнасилась,
Кляла бы свои безотрадные дни...
Теперь уж не скажут, что ум мой короток,
И с курицей-птицей меня не сравнят.
Стране отдаю я труды и заботы,
Стране, чьи сыны смело в космос летят.
Отраднo живетcя в колхозном селенье,
Вдоль улицы избы блестят новизной.
Ручьем мои думы бегут к тебе, Ленин:
За светлую долю спасибо, родной!

МОЯ ПЕСНЯ

Ищу я для песни
Простые слова,
Шумит в моей песне
Березок листва.
В ней алая зорька
Над полем горит,
На ферму девчонка
Тропинкой бежит.
Девчонку счастливой
Я видеть хочу
И думой за ней
Торопливо лечу.
Запросятся в песню
Ручьи и цветы,
И звездочки **глянут**
В нее с высоты,
Холмы и долины,
Хор птичий в бору —
Что дорого сердцу,
Все в песню беру.
Как бусинки нжутся,
Слово за словом,
И вот моя песня
К полету готова.

Теперь лишь осталось
Окно отворить
И песню, как птицу,
На волю пустить.
Летай, моя песня,
В сторонке родной.
И с думой народной
Живи заодно.

В АПРЕЛЕ

Теплым вечером в апреле,
Словно в роще соловьи,
В честь весны ручьи запели
Песни звонкие свои.
Разбудили всю окрестность,
К речке ринулись бегом.
Речке сразу стало тесно,
Стало душно подо льдом,
Побеседовать с ручьями
Захотелось по душам.
Повела она плечами —
Разорвался лед по швам.
Молодой бгрезке речка
Моет ноги под горой,
И затокало сердечко
Под березовой корой.
Отбивают дробь капли
У крыльца и у окна.
Теплым вечером в апреле
Всюду музыка слышна.

ЦВЕТЫ

Уже в поля шагнуло лето.
Как много радости вокруг.
В сиянье солнечного света
Цветут поля, роскошен луг.
Цветы, цветы, здесь так их много,
По-своему прекрасны все.
В цветах тропинка и дорога
Предела нет земной красе:
Пшеница в сизом оперенье.
В лилово-розовом — горох.
Мне не унять души волненья,
Не удержать невольный вздох.
Доверчиво глядят ромашки
На бирюзовый небосвод.
Им солнце в белые кармашки
Кружочки золота кладет.
А небо крошкам-незабудкам
Дарит лазурь и бирюзу.
Роняет от избытка чувства
Роса алмазную слезу.

Природа-мать — ты добрый гений,
Какая чародейка ты.
На радость всем, на удивленье
Кругом рассеяла цветы.

ВЕЧЕР

Синий задумчивый вечер.
Пала роса на траву.
Утихомирился ветер,
Не беспокоит листву.
Звезды-фонарики разом
Кто-то на небе зажег.
Около них для показа
Месяц свой выставил рог.
Звонкоголосые птицы,
Спят в темноте меж ветвей.
Что же тебе-то не снится,
Старый мой друг, соловей?
Хочется мне научиться
Песне раздольной твоей.
Пой, беспокойная птица,
Пой, обо всем, соловей!
Пой про разлуки, про встречи.
Славь на земле красоту...
Синий задумчивый вечер.
Яблони в белом цвету.

В РОЩЕ

Сколько в роще звуков.
Сколько песен разных,
Будто вы попали
На веселый праздник.
Оглашает рощу
Радостное пенье—
Славит край родимый
Птичье вдохновенье.
Елочки и липы —
Милые созданья
Слушают в лощине
Ручейка журчанье.
Льется по лощине
Песенка лесная
О цветах, о лете.
Кто ее не знает?
Две березки стройных
На лесной поляне,
Будто две подружки,
Вышли на гулянье.
Чуть подальше клены
Ветками краснеют,
Смотрят на красавиц,
Подойти не смеют.

Тянется к ромашке
Синий колокольчик,
Новости лесные
Рассказать ей хочет.
Закопались в листья
Грузди-кренделечки...

Красоту лесную
Не уложишь в строчки.

ОСЕННЕЕ

Разноцветный ковер
Осень выткала.
Разостлала его
За калитками.
Веселит в тихий час
Звезд сияние.
Месяц вызвал девчат
На гуляние.
Разноцветный ковер
Мягко стелется,
Угождает гармонь
Пляске девичьей.
Хоровод у ворот
Вихрем крутится.
Месяц в небе вот-вот
В пляску пустится.
Щедро клен-казначей
Сыплет золото.
Ох, и будет же чем
Вспомнить молодость!

ЛЕН

Гаснут звезды в небе чистом,
Занимается заря.
Выезжают трактористы
На колхозные поля.

Их не двое и не трое
Вся бригада на ходу.
Поле, полюшко родное
Перед ними на виду.

И моторы загудели,
Пашут ночью, пашут днем.
Про любимых песни пели
Трактористы за рулем.

Распахали, разрыхлили,
Стала черной целина.
В землю мягкую ложились
Золотые семена.

Две недели пролетели.
И у той большой реки
Изумрудом зеленели
И кудрявились ростки.

Лен растет, растет в долине
Не по дням, а по часам,
А цветочки голубые,
Словно девичьи глаза...

Лен девчата убирали,
Расстилали вдоль бугра,
Трактористов вспоминали,
Коротая вечера:

— Вот спасибо трактористам
За прилежный, честный труд.
Изо льна наткут батиста,
В магазин к нам привезут.

На батисте мы цветочки
Вышьем шелком голубым.
И на память по платочку
Трактористам подарим.

НЕ ДЛЯ НАС ЛИ С ТОБОЙ?

Раскудрявился лес,
Зеленеют поля.
Край родной
В небывалом расцвете.
Не для нас ли с тобой,
Дорогая моя,
Так приветливо
Солнышко светит?
Мы в колхозной семье
На приволье росли,
Наши руки
Труда не боятся.
Не для нас ли с тобой
Все сады расцвели,
Над ручьем тополя серебрятся?
Мы творим чудеса
На колхозной земле:
Веский колос
Растить научились.
И таким, как вот мы,
В лучезарном Кремле
Ордена золотые вручили.
На леса и поля
Смотрит мирно наш дом.

В окна ласково солнышко светит,
Мы богатства и славы
Добились трудом —
Край родной в небывалом расцвете!
Высоко-высоко
В синих звездных краях
Чей корабль по заданию мчится?
Не для нас ли с тобой,
Дорогая моя,
Путь торит в небесах эта птица?

ЗАТУМАНИЛАСЬ БЫСТРА РЕЧЕНЬКА

Затуманилась быстра реченька,
Песню грустную соловей поет.
Ой, болит, болит сердце девичье,
Милый друг вестей о себе не шлет
На восток его паровоз умчал,
На великую стройку шумную.
Он сначала там обо мне скучал.
А теперь скучать и не думает.
Может, встретил там черноглазую,
Позабыл меня и влюбился вновь.
Для чего ж тогда он наказывал,
Чтоб ждала его, берегла любовь?
Ой ты, ивушка, не клонись к земле.
Зашуми листвою, будь свидетелем.
Ты ведь слышала, как шептал он мне
Слова нежные поздно вечером.
Ты беги, теки, быстра реченька,
Против солнышка, к Ангаре-реке.
Разыщи, найди, бессердечного,
Расскажи ему о моей тоске.

СУРСКИЕ ТКАЧИ

Улицы зеленые
В Сурске-городке.
Фабрика суконная
На Суре-реке.
Вьются над воротами
Флаги-кумачи.
Сукна ткут добротные
Сурские ткачи.
Девушки красавицы
У станков стоят.
С шуткой, с песней ладится
Дело у бригад.
В цех зайти бы светлый
И сказать ткачам:
— Мы за всех одетых
Кланяемся вам!
Кланяемся низко
И от всей души,
Ткани и расцветки
Очень хороши!
В окнах ярко светятся
Лампочек лучи,
Славят край свой пензенский
Сурские ткачи.

ЯБЛОНЬКА

У шумливой речки
Меж кустов ракии,
Раскудрявив ветки,
Яблонька стоит.
На весенней зорьке
Расцвела она.
От села, с пригорка
Всем была видна...
Толки и догадки
Ходят по селу:
— Кто красу такую
Посадил в долу?...
И однажды летом
В тот зеленый дол
Хорошо одетый
Гражданин пришел.
Взгляд его приветлив,
Над надбровьем шрам.
Он погладил ветки
Нежно, не спеша.
— Семечко сажал я
Десять лет назад.
Вот какая стала.
Да. Года летят...

Бывшему солдату
Вспомнился поход.
Вспомнился суровый
Сорок третий год.
Листья уж желтели,
День короче стал.
Расстелив шинели,
Взвод усталый спал.
Только он, их взводный,
Мундштуком дымил.
И, смотря на воду,
В мыслях к дому плыл.
Санитарка Оля,
Развязав суму,
Яблоко большое
Подала ему.
— Ешьте на здоровье,
Из дому везла...
Он взглянул с любовью
В синие глаза.
И не ради шутки,
С трепетом в груди.
Семечко малютку
В землю посадил...
Разлучил с хорошей
Воинский приказ.
И не видел больше
Васильковых глаз...

СЫН

Светлое утро июня.
В доме собрался народ.
Старая мать, пригорюнясь,
Сына сбирала в поход.
В мирный их дом прилетело
Страшное слово: война.
Биться за правое дело
Всех призывала страна.
Вышли из дому гурьбою,
Кто-то заплакал навзрыд.
Хмурит сын черные брови,
Плакать о нем не велит.
Шел он, высокий, красивый.
Кудри трепал ветерок.
Мать его спину крестила,
Пряча слезинки в платок.
Трудно, ох, трудно расстаться,
Кто же не знает о том.
Трудно одной возвращаться
Ей в опустевший свой дом...

Сына любимого с фронта
Мать терпеливо ждала.

И я вот совсем одинок.
Семья под Смоленском
пропала,
Магь, и жена, и сынок.
Выполнил волю я Вани.
Ваня товарищ мой был.
Он при последнем дыханье
Вас мне беречь поручил.
Чтобы я был вам за сына.
Я обещал и пришел.
Видите, тоже один я.
К вам я со всею душой...
— Сердце-то чуяло, ныло,—
Мать прошептала с трудом,
Настежь калитку открыла:
— Что же, сыночек, пойдём.

ДУМЫ О МАТЕРИ

Ты не знаешь, мама, — я в дороге!
Вижу дом наш, ветлы под окном.
Может быть, сидишь ты на пороге,
Кормишь кур из фартука зерном?
Или, может, во дворе хлопчешь —
У тебя всегда полно забот,
Иль про сон, что снился этой ночью,
Говоришь соседке у ворот?
На плечах накинута шаленка —
По привычке, хоть и так тепло.
Вспоминаю, был когда мальчонкой,
Лез под шаль я, словно под крыло,
И, согретый, засыпал нередко,
Утомившись от дневной игры.
Надо мной сидела ты наседкой,
Глядя непокорные вихры.
И сейчас детей ты ободряешь —
Не о нас ли думушки твои?
Письмами ты нам напоминаешь
О своей заботе и любви...
Да, я помню, ты была красива!
Только взрослым стал я понимать —
Не жалея, всю красу и силу
Ты нам, детям, отдавала мать.

Отдала без жалобного слова,
И твои любимые птенцы
Разлетелись из гнезда родного,
Разлетелись в разные концы.
Разлетелись в города, на стройки,
Варят сталь, строгают, сеют рожь.
Ты разлуку переносишь стойко,
Лишь порой тихонечко вздохнешь.
Ну, а если заскучаешь сильно
И не можешь думать ни о чем,
Ты на стенку смотришь неотрывно,
Где портреты наши за стеклом.
Наглядишься—станет сердцу легче,
Высохнут слезинки на глазах,
И опять гремишь заслонкой в печке,
И опять шаленка на плечах...
Милая! Не кутайся в шаленку!
Спрячь ее ты в сундуке внизу.
Еду, еду на свою сторонку,
Дорогую шаль тебе везу,
Мягкую, с каймою голубою,
Чудные узоры по краям.
Я хочу, чтоб снова молодою
Ты была, хорошая моя!

ЗНАТНЫЙ МУЖ

Вздумал нынче Петр Иваныч
Пошутить с женою:
— Погоди, дай срок, Ульяна,
Разведусь с тобою.
Что же это, в самом деле,
Век живи с отсталой.
Сам я с первых дней в артели
Числюсь запевалой.
Сын—герой, невестка—тоже
Кандидат в герои.
Мы в стране богатство множим,
На виду все трое.
Нас не только знает область,
И Москва немного.
А твоя известна доблесть
Печке и порогу.
Ты в чулане с чугунами
Подвиги свершаешь.
И, выходит, между нами
Разница большая. —
Тут Ульяна из чулана
Крикнула сердито:
—А за кем вы. Петр Иваныч,
Стали знамениты?

Я и мою, и стираю,
И скоблю, и чищу,
Обшиваю, убираю,
Вам готовлю пищу,
Не присяду на минутку.
У меня забота —
Чтобы с полным ты желудком
Вышел на работу.
Знаю, женский труд домашний
Мало интересен.
Про горшки, ухваты наши
Не напишут песен.
Кто в своем чулане моет
Чугуны, тарелки,
Не бывать тому героем
Никогда, во веки. —
На глазах Ульяны слезы.
Чешет муж за ухом.
Подошел, сказал серьезно:
— Извини, старуха!
Мне ль не знать твою прилежность-
Не присядешь за день.—
И, как в молодости, нежно
Руки ей погладил.
Слезы вытерла Ульяна,
Смотрит деловито.
— На твоём плаще, Иваныч,
Хлястик не пришитый.
Отыскав иголку с ниткой,
Шьет уже старуха.
Знатный муж глядит с улыбкой:
— Эх ты, хлопотуха!

БАБКА СЕЯЛА ГОРОХ

Бабка сеяла горох,
Уродилась вика.
Бабка охает:—Ох, ох!
— На-ка ты, поди-ка!
Вместо дыни у нее
Огурцы на грядке.
— Наказание мое,
Все от недоглядки.
Бабка сеяла морковь,
Уродилась репка...
Приподняв седую брозь,
Рассердился дедка:
— Землю я тебе вскопал,
Шел всегда на помощь.
Я, конечно, ожидал
Не такую овощь.
За труды мои, да, да...
Хорсша награда...
Бабка думает: «Беда!
Оправдаться надо».
Как хороший дипломат,
И вздохнет и ахнет:
— Или ты, старик, не рад?
Тут наукой пахнет,

Вместо дыни — огурец,
Что же тут такого?
По науке все, отец,
Верно мое слово.
Иль не слышал, что растет
Вишня на рябине?
Умный стал теперь народ,
Все возможно ныне.
Улыбнулся старичок:
— Рассуждаешь смело.
Тут наука ни при чем.
Тут другое дело.
Ты смешала семена,
Вот и вся отгадка.
«Догадался, вот те на!»—
Огорчилась бабка.
Дед на бабку поглядел:
— Не горюй, старуха,
Помогу твоей беде,
Ты не падай духом...
Он зарплату получил,
Побыл на базаре
И привез жене очки
В кожаном футляре.

СЕЛЬКОР

Как увижу недостатки,
Не могу я умолчать,
В обязательном порядке
Информирую печать.
Наша Нина, звеньевая,
То есть та, кого люблю,
Труд других не уважает,
Все дела свела к нулю.
«Дескать, я, мои заслуги,
Я все делаю одна»...
Разобиделись подруги.
Разошлись. И нет звена.
К звеньевой иду я лично,
Застаю ее одну.
Говорю категорично:
«Извинись. Признай вину».
Нина гордо отвечает:
«Знаешь, Коля, не учи.
Если, любишь, уважаешь...
Ты об этом промолчи».
Нет! Пишу статью в газету,
Ставлю в ней ребром вопрос.
Обсуждал заметку эту
На собраньи весь колхоз.

Нина с твердостью сказала:
«Признаю свою вину».
А потом пошла из зала
На меня и не взглянув...
И политику такую
С этих пор она ведет.
Будто я не существую,
Голос мой не узнает.
Под окно **приду** с баяном,
Из калитки выйдет мать:
«Нина спать ложится рано,
Не мешайте Нине спать.
Просим нас не беспокоить.
Не заглядывать сюда».

Да... Заметку про такое
Не напишешь никуда...

ДИТЯТКО

Рос румяным Яшенька,
Радуя родителей.
Те к капризам дитятки
Были снисходительны.
Что ни спросит Яшенька,
Все достать стараются.
Бросит он в них валенком
Только улыбаются.
Говорили радостно:
— Твердого характера,
Сделает, придумает,
Что не смогут пятеро.
Так гадали-думали
Мать с отцом счастливые,
Подрастает Яшенька:
Личико красивое,
Волосы колечками,
Руки здоровенные.
— Ой ты, наше дитяtko.
Ой ты, драгоценное!—
Хвалятся родители
Дома и на улице:
— Нет пригожей Яшеньки
Умница-разумница.

Будет он беседовать
О делах с министрами.
Будут личным транспортом
Легковые быстрые.
Будет он директором,
Будет обязательно.
Эти речи Яшенька
Слушает внимательно.
Слушает и думает:
Нету ему равного.
Он среди ровесников
Должен быть за главного.
Школа семилетняя
В десять лет осилена.
И глядят родители
На сынка любимого:
— Слава тебе, господи,
Одолел учение. —
Словно гостю, Яшеньке
Ставят угощение.
Нарядили Яшеньку
В сапоги с калошами,
На бордовом галстуке
Синие горошины.
Спит по суткам Яшенька,
Окружен заботою.
Старики родители
За него работают.
Скажут люди добрые:
— Это же невежество!
Мать с отцом заступятся:
— Пусть его понежится.
Да еще похвалятся:
— Он у нас заботливый,
Умный, рассудительный,

Смелый, разворотливый.
От похвал у Яшеньки
В голове кружение.
— Здесь моим способностям
Нет приложения, —
Заявляет Яшенька
Без стыда, без совести.
Сам мечтает-думает
О высокой должности.
Раздражают Яшеньку
Жизненные трудности.
Говорит родителям,
Не стесняясь, грубости.
От отца потребовал
С книжки сбережения.
Обобрал родителей
За мое почтение.
Он строчит прошения
В госотделы, секторы,
Пишет и надеется —
Позовут в директору...
А народ про Яшеньку
Говорит с насмешкою:
— Что-то за «директором»
На «победе» мешкают.

СВАТАЛ МЕНЯ ФРОЛКА

Сватал меня Фролка
Ровно три недели.
Только мало прока
В этой канители.
Приходили свахи,
Чай с вареньем пили,
Про штаны, рубахи
Речи заводили:
— У нашего Фролочки
Дюжина рубах.
Все они с иголочки.
Взглянешь, скажешь «Ах».,
А штаны-то — брюки
Искрятся, блестят.
Жалко взять их в руки;
В сундуке лежат.
Сам-то Фролка золото.
Даром не болтает.
Несмотря на молодость,
Все приобретает.
Слушала я, слушала
Эти басни, толки.
До чего же скучная
Жизнь у парня Фролки.

В клуб, в кино не ходит Фрол.
Самосадам душится,
Оглядит с опаской стол:
Как бы не раскутаться.
Выдул ветер все мозги,
Не спасла фуражка.
Разве можно полюбить
За штаны, рубашки?..
___Просим извиненьца, —
Я сказала свахам, —
Пусть ваш Фролка женится
На своих рубахах.

ДОБРЫЙ ДЯДЯ

Не в колхозе, не в бригаде,
Не в далеком далеке —
Этот милый, добрый дядя
Жил с районном городке.
Был не стар он и не молод,
Не красавец, не урод,
У него приятный голос,
Лоб наморщен от забот.
Мед в колхозе утащили,
К дому вора след привел.
Дяде тут же сообщили.
Он приехал. След замел...
Муж жене «очки» наставил,
Добрый дядя услышал.
Потерпевшую заставил
Не устраивать скандал...
Спекулянты на базаре
Появились, как хорьки.
Дяде доброму сказали.
Он ответил: «Пустяки...»
Год скрывается бездельник
От детей и от жены.
Дядя скомкал заявленье:
«Мы, мужчины, все грешны...

Приплелась мать со слезами —
Дети гонят со двора.

Дядя вежливо сказал ей:

— Умирать уж вам пора...

В окна клуба брошен камень

Хулиганскою рукой.

Дядя наш развел руками:

«Видно, парень боевой...»

Самогонку где-то курят,

Дядя крикнул в телефон:

«Ну и что ж? Прокуратуре

Не подвластен самогон»...

— Вот какой ведь дядя добрый!

Умилялись хам и плут.

Но пришлось, как ни прискорбно,

Отдавать его под суд.

ЩЕГОЛЬ

В яркой шляпе гриб стоит
На лесной опушке.
Он хвастливо говорит
Маленькой волнушке:
— Не видать тебя в траве
Ни с какого бока,
А меня по шляпе все
Видят издалёка.
Правду-матушку любя,
Та сказала щеголю:
— От красивого тебя
Пользы людям много ли?
Я найдусь и под травой,
Пригожусь на ужин...
Ты ж с своею красотой
Никому не нужен.

И подобную красу,
Что собой любуется,
Ведь не только что в лесу,
Встретишь и на улице.

ПРОЙДИСЬ ПО ПЕНЗЕНСКОМУ
КРАЮ

М. Смирновой.

Музыка Б. Трубина.

широко

Прой. дись по пен. зен. ско. му
кра. ю. ког. да он в зе. лень весь о.

-ДЕТ, КОГ- ДА ЧЕ РЕ-МУ-ХА КУ- ПА- ЕТ

В Су- РЕ СВОИ А. РО- МАТ. НЫИ ЦВЕТ

СА ДЫ ВО- ДЕМ-ДЕ БЕ.ЛО- СНЕЖ- НОИ ВЗЕ-АЕ-НОМ

СА ДЫ

Handwritten musical score for the first system. It consists of two staves: a vocal line (treble clef) and a piano accompaniment line (bass clef). The key signature has one flat (B-flat), and the time signature is 4/4. The lyrics are written below the notes.

Vocal line lyrics: БАР. КА ТЕ ЗЕМ. ЛЯ. НЕ ДА. РОМ ЛЕР. МОН. ТОВ УТАХ

Piano line lyrics: ЗЕМ. ЛЯ ЛЕР. МОН. ТОВ

Handwritten musical score for the second system, featuring piano accompaniment. It consists of two staves: a treble clef staff and a bass clef staff. The key signature has one flat (B-flat), and the time signature is 4/4.

Handwritten musical score for the third system. It consists of two staves: a vocal line (treble clef) and a piano accompaniment line (bass clef). The key signature has one flat (B-flat), and the time signature is 4/4. The lyrics are written below the notes.

Vocal line lyrics: НЕЖ НО ЛЮ. БИЛ РО ДИ. КИ. Е. НО ЛЯ

Piano line lyrics: ЛЯ

Handwritten musical score for the fourth system, featuring piano accompaniment. It consists of two staves: a treble clef staff and a bass clef staff. The key signature has one flat (B-flat), and the time signature is 4/4.

и пол-орен-я

ДЛЯ ОКОНЧАНИЯ

ЛЮ. БЫЛ РО- ДИ. МИ. Де. ПО. РА

ВЕН. ЗЕМ. ОКОИ ЗЕМ.

Пройдись по Пензенскому краю.
Когда он в зелень весь одет,
Когда черемуха купает
В Суре свой ароматный цвет.

Сады в одежде белоснежной,
В зеленом бархате земля.
Недаром Лермонтов так нежно»
Любил родимые поля...

Пройдись июльской порою
Любой дорогой полевой,
Хлеба над Мокшей и Сурою
Стоят высокою стеной.

Лесов тенистая прохлада,
Ручьи, как детская слеза.
А над простором неоглядным
Родного неба бирюза.

Встречаясь с Волгою-рекою,
Сура твердит ее волне:
О наших пензенских героях
Поведай, Волга, всей стране.

О нашем луке и пшенице,
О волокнистой конопле.
О том, что стало все родиться
На вольной Пензенской земле.

РОДИНА ЛЮБИМАЯ

Родина любимая,
Нет тебя дсroje.
С ветлами, рябинами,
С золотою рожью.

С яблоками спелыми
На зеленой ветке, |
Со снегами белыми /2 раза
И морозцем крепким... |

Об одном лишь думаю,
Одного хочу я:
Чтоб не смяло бурейо
Красоту земную.

Чтоб леса кудрявые |
Солнышко ласкало, |
Речка между травами | "
Серебром сверкала. '

Чтоб над милой Родиной
Для мечты крылатой
Покрывался звездами
Купол необъятный.

Чтоб восход рубиновый
Цвел над желтой рожью... 2 раза
Родина любимая,
Нет тебя дороже!

ЦВЕТЁТ КАЛИНА

Слова М. Смирновой,

Музыка Рубцова.

НЕ ТОРОПЯСЬ, НАПЕВНО

НАД ПО-ЛЯ-МИ ВЕ-ТЕР БРО-ДИТ

ПЕС-НЮ ТЕП-ЛЮ ПО-ЁТ При до-ли-не на сво-

-бо_де куст на_ли_но_вый цве_тет.

ве_тер вые_ся над до_ли_ной, в ре_ке пле_щет_ся во_

-да ты ска_жи, ска_жи, ка_

-ли_на, как по_па_ла ты сю_да.

Над полями ветер бродит,
Песню теплую поет.
При долине на свободе
Куст калиновый цветет.
Ветер вьется над долиной,
В речке плещется вода.
Ты скажи, скажи, калина,
Как попала ты сюда?

В рошу прошлою весною
Бравый парень прискакал,
Любовался долго мною,
А потом с собою взял.
Обещал меня, калину,
Посадить в своем саду,
Не довез до дома, кинул,
Видно, думал, пропаду.

Я за землю ухватилась,
Встала на ноги свои.
Навсегда здесь поселилась —
Здесь река и соловьи.
Мне не жаль, что парень кинул,
Не клянусь судьбу свою.

Жаль, что люди есть такие
И нашем солнечном краю.

Ты меня, голубчик ветер.
Не считай за сироту.
Надо мною солнце светит
Я по-прежнему цвету.
Трактористы молодые
Каждый день бывают тут
Тонких веток не ломают,
Цвет мой белый берегут.

МИЛАЯ РОЩА

Слова *М. Смирновой.*

Музыка *О. Гришина,*

The image shows a musical score for the song "Милая роща". It consists of three systems of music. The first two systems are piano accompaniment, each with a treble and bass clef staff. The first system has a melodic line in the treble clef and chords in the bass clef, with markings 'M' and '7'. The second system continues the piano accompaniment with similar markings. The third system is a vocal solo, indicated by the word "Солистка" above the staff. It features a vocal line in the treble clef with lyrics and piano accompaniment in the bass clef. The lyrics are: "Вот о-на, ми-лая ро-ща." The piano accompaniment for the solo system has markings 'M' and '7'.

Музыкальный фрагмент с нотами и аккордами. Включает вокальную линию и фортепианное сопровождение.

Вокальный текст: Ве. тер шу. мит на до мной

Аккорды: М, 7, Б, 7

Музыкальный фрагмент с нотами и аккордами. Включает вокальную линию и фортепианное сопровождение.

Вокальный текст: Вет ки бе ре зок по ло. щет,

Аккорды: 7, 7, М, М

Музыкальный фрагмент с нотами и аккордами. Включает вокальную линию и фортепианное сопровождение.

Вокальный текст: сон на ру ша я лес ной

Аккорды: Б, Б, Б, 7

Женский хор

СКОЛЬКО СТВО. ЛОВ ЛО. БЕ ЛЕН, НРИХ.

The first system of the musical score features two vocal staves and a piano accompaniment. The vocal parts are written in a soprano and alto clef. The piano accompaniment is in the right and left hands, with chordal textures and some melodic lines. The lyrics are: "СКОЛЬКО СТВО. ЛОВ ЛО. БЕ ЛЕН, НРИХ."

СКОЛЬКО ИХ ЗДЕСЬ ПОД-НЯ. ЛОСЬ!

The second system of the musical score continues the composition. It features two vocal staves and a piano accompaniment. The vocal parts have some notes with slurs and ties. The piano accompaniment includes chords marked with 'М', 'Б', and '7'. The lyrics are: "СКОЛЬКО ИХ ЗДЕСЬ ПОД-НЯ. ЛОСЬ!"

Музыкальный фрагмент с вокальной и фортепианной партитурами.

Вокальная линия (верхняя часть):

Всё э то с дет ства зна. ко. мо,

Фортепианная линия (нижняя часть):

Используется маркировка "M" (Major) и "7" (Dominant Seventh) для обозначения аккордов.

для повторения

Музыкальный фрагмент с вокальной и фортепианной партитурами.

Вокальная линия (верхняя часть):

с сердцем на. ве. хи спос. лось.

Фортепианная линия (нижняя часть):

Используется маркировка "M" (Major) и "7" (Dominant Seventh) для обозначения аккордов.

для окончания

ту, что ве. дет под ух. лон.

Вот она, милая роща-
 Ветер шумит надо мной.
 Ветки берёзок полощет,
 Сон нарушая лесной.

Сколько стволов побелённых,
 Сколько их здесь поднялось!
 Всё это с детства знакомо,
 С сердцем навеки срослось.

Будто опять ты, безусый,
 Рядом с девчонкой стоишь,
 Вместо кораллов на бусы
 Ветки рябины даришь.

Будто бы смех ее звонкий
 В чаще лесной раздался...
 Только у бывшей девчонки
 Есть уже снохи, зятя.

Край мой единственный в мире,
Где я так вольно дышу,
Поле раздвинулось шире,
К роще зеленой спешу.

Хочется белым березкам
Низкий отвесить поклон,
Чтоб заслонили дорожку.
Ту, что ведет под уклон.

КАЛИНА

Над Ишимкой-речушкой
Бел туман кудри вьет.
Под калиной подружки
Собрались в хоровод.
— Ой, калина, калина,
Ты о чем шелестишь?
Ты какую былину
В белом цвете хранишь?
Расскажи нам, поведай
О старинных годах,
О селении бедном,
Об ишимских мордвах.

I

Лес от края до края
Непролазный стоял.
На полянках, сверкая,
Ключ студеный бежал.

Он в кустах невидимкой
Тек за годом года,
Его речкой Ишимкой
Называла Орда.
А когда царь Московский
Всю Орду сокрушил,
Сохранили березки
Это слово: Ишим.

Где медведь бурый топал,
Где малинник был дик,
По нехоженным тропам
Человек в глушь проник.
Люд мордовский упрямый
В руки взял топоры,
Дол очистил от хлама.
Вот и рожь вдоль горы
Зацвела, зажелтела,
Запестрели цветы.
На траве забелели
У окошек холсты.
Вдоль Ишимки-речушки
В непроглядной глуши
Стала жить деревушка
Под названьем: Ишим.
Пусть название это
Подарила Орда,
Разбираться в секретах
Не стала мордва,
Она крепла, селилась,
Корчевала леса.
На лугах веселилась
Летним утром коса.
По полям золотистым

Острый серп загулял.
Белый лен волокнистый
Всю мордву одевал.

II

На поляне, в овражке,
Между кленов и лип¹
Ходит в длинной рубашке
Старый дедка Филипп —
Проверяет колоды
С медоносной пчелой.
Сам он крепкой породы —
Поработал пилой,
Топором и мотыгой
Вдосталь он помахал.
Память крепко хранила,
Что он в детстве слышал.
Слушать давние сказы
Стар и малый идет.
Пчеловода за разум
Уважает народ:
Помирят он, рассудит;
Занедужит какой,
Трав целебных добудет —
Снимет хворь, как рукой.
Трав у деда в запасе
И пучки и мешки.
Пряжу так он раскрасит —
Что там в поле цветки —
Голубые, зеленые,
Алой зорьки алей!
Шей холсты побеленные,
Вышивай веселей.

* * *

Дед Филипп с бабкой Настей

Ладной парой живет,
Им под старость, на счастье
Внучка Марька цветет.
Любо старым послушать,
Как она под окном
В лад с веселой подружкой
Лен колотит вальком.
Марька в белой рубашке,
В косы бисер вплела,
Знай, щебечет, как пташка.
Всем мордовка взяла —
И стройна и высока.
Женихи к Марьке льнут.
— Что же сватать до срока?
Пусть пока подождут...
Вышивает узорами
Марька белый наряд,
А на руки проворные
Дедка с бабкой глядят.
Над расшитой рубахою,
Что на Марьке-красе,
Люди добрые ахают,
Говорят о ней все:
— У царевны московской
Нет рубахи такой,
Как у девки мордовской,
У селянки простой.

III

Ходит Марька в лесочке,
Грузди, рыжики рвет.
А в зеленом долочке
Милый друг ее ждет.
Он под дубом кудрявым,
Притаившись, стоит,

Сам налево, направо
Зорко смотрит-глядит.
Широки его плечи,
Смотрит, словно орел.
Оглядевшись, навстречу
Он к любимой пошел,
Взял он Марькину руку,
Встал, как дуб, перед ней,
А в груди его тукать
Сердце стало сильнее —
Словно молот кузнечный,
В грудь широкую бьет.
И у девки сердечко
Под рубахою мрет.
Все сказал бы ей парень —
Нету слов на беду.
Он привлек к себе Марьку.
— Я тебя уведу.
Украду тебя, спрячу,
Так обычай велит.
Ты немножко поплачешь,
Тут родня привалит.
Мы поедem венчаться
С бубенцом под дугой.
А до свадьбы встречаться
Будем тайно с тобой. —
От орлиного взгляда
Млела Марьки душа...
Вдруг негаданно рядом
Лист сухой зашуршал.
Не успели разняться
Две горячих руки...
— Кто задумал венчаться?
Я вам дам, сосунки! —

Перед ними дед вырос,
Словно в сказке бел гриб.
— Ох, не делай ты вынос
Тайны, дедка Филипп.
Не брани ты Миколу,
Внуком будет тебе... —
— Ну, воруй. Только с колом
Сам приду я к избе!
Прячься, парень, подальше.
Изувечу... Гляди!
Присылай-ка к нам старших,
А сейчас — уходи.
Вашу свадьбу устрою,
Сам того я хотел. —
Парень тропкой лесною,
Как на крыльях, летел...
Дедка сына с женою
Пригласил на совет,
Марька к двери щекою:
«Что же скажет им дед?..»
Дед сказал все, что надо,
Жениха похвалил.
А уж Марька-то рада —
Больно парень ей мил.

Дед варил медовуху,
Ведь родня-то не счесть..
И дошла тут до слуха
Нехорошая весть:
Катерина-царица
Трон московский взяла.
И мордовские земли
Князьям отдала...

Неспокойно в Ишмме.
Ну-ка явится князь?
Наше поле отнимет...
Век живи, убоясь!

IV

Утром хмурым, осенним
Лес тревожно шумел.
Марька спряталась в сене —
Так Микола велел.
Из лесочка он выйдет,
До стожка доползет,
И никто не увидит,
Как ее украдет.
Будет бегать, метаться
По Ишиму отец,
После станут смеяться:
«Аи, Микола, хитрец!»
Сердце Марькино билось.
Дух от сена хорош.
Что же долго ты, милый,
Красть ее не идешь?
Ветер в сосенках свищет,
Слышен топот копыт.
Не сюда ль с Городища
Тройка мчится-летит?
Колокольчика россыпи
Под нарядной дугой,
Марька крестится: — Господи
Видно, барин какой...

Замолчали бубенчики,
Зазвонило село.

— Что молчите, разбойники?—
Он мордвам говорит, —
Чтобы завтра ж вас не было!
Вот он, царский указ.
Или полк мне затребовать,
Чтобы выселить вас? —
Дед Филипп приосанился,
Смело вышел вперед:
— Больно, князь, ты зачва-
нился.
Что срамишь ты народ?
Мы не воры-разбойники —
Здесь родились, росли,
Так зачем же нас гоните
С нашей кровной земли?
— Бунтовщик! — крикнул
яростно
Ромодановский князь. —
Не прикроешься старостью
Ты, мордовская мразь! —
Размахнулся, и плеткой
Он хлестнул старика.
— Мы ослушников вот как!..—
Загудела толпа.
Княжья верная конница
За оружие взялась.
Марькин голос разносится:
— Сам разбойник ты, князь!
Кровь у деда завеской
Вытирает с виска...
...А Микола невесту
Ждет-пождет у леска.
Глянет влево и вправо —
Нет! Не видно нигде...

А того и не знает,
Что невеста в беде...
Князь взглянул: «Ишь, краса-
вица —
И в Москве не сыскать!
А что зла — обломается».
Крикнул челяди:—Взять!—
...Лес шумел растревоженный,
Туча слезы лила.
Марька, девка пригожая,
Для кого ты росла?

V

Уложил на телеги
Все пожитки Ишим,
И за мерином пегим
В лес ишимцы пошли.
Над речушкою осень
Расстилала туман,
Мимо кленов и сосен
Дед Филипп вел сельчан.
На возу ребятишки
С бабкой старой сидят,
Из мешка, словно мышки,
Рожь тихонько едят.
«Марька, внученька, где ты?
Через темный лесок
Старым бабке и дедке
Ты подай голосок»...
И Микола, тоскуя,
Из Ишима исчез.
Где он днюет-ночует,
Знают небо да лес.

Может, стал он покойником?
Может, воров он стал?
Или ходит разбойником?
Нет Миколы — пропал...
Грязь осенняя хлюпает.
Внукам лешие чудятся.
Путь копытами щупает
Лошадь дедова, умница.
Корневища столетние
Разворочены бурями.
Больно хлещется ветками
Лес осенний, нахмуренный.
Под холодными тучами
Со слезами, с помехами
Двое суток промучились,
Десять верст, чай, проехали...
Встал обоз на поляне.
Холм, речушки изгиб.
— Вот мы здесь и пристанем,
Говорит дед Филипп...
Помолились, как водится,
Для спасенья души.
Лес заохал. Вновь строиться
Стал мордовский Ишим.

Отошел лес, попятился,
Отступил от села.
Луг под пашней разгладился,
В поле рожь зацвела.
Льна полосы в излучине —
Голубое раздолие.
Что не сделают рученьки
С вековыми мозолями!

Улыбается солнышко
Трудовому народу.
Дед Филипп новым пчелушкам
припасает колоды.
Обзавелся он пчельником,
Пчелка деду верна,
Это только бездельникам
Не дается она.
Над цветком пчелы кружатся.
Дед совет им дает:
— Прячьтесь в домики, умницы,
Скоро дождик пойдет. —
Говорит, улыбается,
А на сердце тоска:
«Марька... Где она мается,
Где голубку искать?»

Не живет в своей вотчине
Ромодановский князь,
Но над полем и рощами
Крепко держит он власть:
Крепостные работники
Пашут земли его.
Сторожа-захребетники,
Злой приказчик кривой.
Дед Филипп ему кучился,*
Мед сотовый носил,
Где живет его внученька
Разузнать он просил:

* Кучиться (кому, о чем) — настойчиво, неотвязно упрашивать, докучать (см. словарь Даля).

Погляди-ка: по-прежнему
Светит солнце с небес.
Из холста белоснежного
Шей рубахи себе,
Вышивай их узорами,
В косы бисер вплетай.
Не губи думой черною
Молодые лета.—
Бабка косы ей гладила:
— Не кляни ты судьбу.
В бане веником парила -
Сгонит пар худобу.

Тает девичье горюшко,
Словно снег по весне.
Разрумянило солнышко
Щеки Марьке-красе.
Только дума тревожила:
«Где Микола! Что с ним?
Занесет ли пригожего
Добрый ветер в Ишим?»
В небе звездочки светятся,
Марька смотрит на них.
Вдруг с Миколою встретится.
Что ей скажет жених?
Отвернется, рассердится,
Скажет: «К князю иди»?
В небе звездочки светятся,
Сердце бьется в груди.
Сердце бьется, колотится
Под рубахою белой:
«Не придет, не воротится
Сокол ласковый, смелый...»

Зря ты, сердце, пророчило,
Зря ты ныло в груди,
Он пришел темной ночью.
И пришел не один.

VII

Дубы вековые
Ветер тормозил.
Со степей ковыльных
Весть пришла в Ишим,
С дальнего Урала,
С Яика реки,
Бедных призывала:
— Встаньте, бедняки!
Встань ты, люд рабочий, —
Пугачев идет.
Вас избавить хочет
Он от бар-господ.
Раздает крестьянам
Земли и леса,
Головы дворянам
Рубит лично сам...
А в Москве царица
Ночи не уснет,
Знать, за трон боится:
Пугачев идет...
Словно бы к погоде
Разгорелись искры —
Пугачев подходит,
Царь крестьянский близко.
С ним мордва, калмыки,
Русские, чувашки.
Заревом великим
Осветились пашни.

Закатилось солнце.
Блекнут краски зари.
Кто-то стукнул в оконце:
— Дед Филипп¹, отвори!—
Дед велел ребятенкам
Лезь на печку скорей.
И вошли тут в избенку
Трое ратных людей—
При оружии бранном,
Молодец к молодцу,
Дорогие кафтаны,
Шапки лисьи к лицу.
Дед Филипп так и ахнул:
— Ты, Миколушка? Ах!
А за печкой рубаху
Марька ищет впотьмах.
Дед скорее лучину
От угля засветил:
— Ух, какой молодчина!
Где гулял ты, ходил? —
И Микола ответил:
— Мир широкий кругом.
Свел меня вольный ветер
С Пугачевым-царем...
Много с нами народу,
Правду ищем все вместе.—
Дед гостей сладким медом
Угостил честь по чести.
Угощал медовухой,
Сам Миколу дивился:
— Ну и парень, ну ухарь!
Вот ты где объявился.
Ну, а где же царь добрый?

Где заступник народный?
Угостил и его бы,
Царя-батюшку, медом.
— Да во всех тут селеньях
Пугачевцы стоят.
Ты скажи мне скорее,
Где невеста моя?
Сжег я вотчину князя,
Разметал все, размел,
Все кусточки облазил,
Но ее не нашел...—
Из-за печки, вся рдея,
Вышла Марька к нему.
— Отомстил ты злодею.
Так и надо ему!—
Поклонилась Миколке.
— Сердце мне не трави,
И невестою боле
Ты меня не зови.
Сиротинкою-пташкой
Я весь век протоскую.
Не судьба, видно, наша...
Сватай девку другую. —
Побледнела и смолкла,
Опустила глаза.
— Да! Оставь нас, Миколка,
Дед сурово сказал.
— Никуда не пойду я.
Говорю — не шучу.
Я на девку другую
И глядеть не хочу.
Не она виновата —
Увезли ее силой,
Лучше быть неженатым,
Чем венчаться с немилрой. —

Туг товарищи тоже
За Миколу вступились:
— Ну, скажи, для чего же
Медовуху мы пили?
Не кручинься, невеста,
Собирайся к венцу.
Припасай, дедка, место
Пугачеву-отцу.
Он на свадьбу прибудет,
Любит царь пировать.
Мы простецкие люди,
Царь-душа нам под стать.
Бабка старая плачет:
— Нету дома отца —
Он на Волге бурлачит... —
— За отца будет царь, —
Улыбнулся чувашин.
И калмык подтвердил:
— Сколько он уже наших
На пути оженил. —
Марька юркнула в сенцы,
И Микола за ней...
Гулко бились два сердца
Под прикрытьем сеней.

IX

Пир в мордовском Ишиме.
Свадьба Марьки с Миколой.
Пугачёв рядом с ними —
Царь крестьянский весёлый.
Подарил он невесте
Дорогое монисто.
Льётся песня за песней,
Пляшут с гиком, с присвистом.

Дедка в новой рубахе
Медовуху разносит.
Расторопные свахи
Царя-батюшку просят:
— Выпей, батюшка, с нами.
Подмигнули друг другу.
— Не побрезгуй мордвами,
Выдь, пройди по кругу. —
Руки в боки упёрли
И пошли потешаться.
Пугачёв крикнул: — Ой ли!
Мне ль народом гнушаться?—
С плеч кафтан он бросает
И пускается в пляску.
Над полями, лесами
Льются песни, прибаски.

Провожала мужа Марька.
Жалось трепетно в груди.
Он в лицо шептал ей жарко:
— Марька, сына мне роди.
Назовём мы Емельяном
Ненаглядного сынка. —
Уходил он утром рано
И сказал:
— Прощай пока...

Миновало красно лето —
Весть грозою грянула:
Пугачёва песня спета...
Нет царя желанного...

Не схватили его силой,
Добыли изменою,
Руки белые скрутили,
Взяли в цепь железную.
Над полями птицей черной
Пролетело горюшко:
Отрубили Пугачёву
Буйную головушку...

Где ты, где ты, ясный сокол
Из мордовского села?
В сенокос в траве высокой
Марька сына родила.
Окрестила Емельяном.
С ним ходила — жала рожь.
На мальчонку люди глянут:
— На Миколушку похож!
Не придется, знать, Миколе,
И сыночка повидать...
Ох, доколе же, доколе
Пугачёвцам так страдать?

Надевала Марька
Свой мордовский убор,
Поднималась Марька
На высокий бугор.
Сына Емельяшу
На руках несла.
На щеках увядших
Слезы — не роса.
Становилась Марька
Против солнышка:

— Обогрей ты, солнце,
Свет Миколушку!
Бунтарем прославили,
Били и увечили,
И в Сибирь отправили
На житье, на вечное...
Под калиной встала,
Листики срывая,
И запричитала,
Сердце надрывая:
— Слушайте, долины,
Слушайте, леса:
Дорогого сына
К вам я принесла.
Липы и дубочки,
Долы и пригорки,
Спрячьте нас, укройте
От недоли горькой.
Наделите сына
Ловкостью, сноровкой...
Долго так вопила
Бедная мордовка...

Листьями калина
Тихо шелестела.
Птицей песнь-былина
В дальний край летела...
Песня долетела
И до наших дней,
Цвет калины белой
Рассказал о ней.

СОДЕРЖАНИЕ

Край наш Пензенский	3
Имя незабвенное	4
Ходок к Ильичу	5
Реченька	9
Стариков родник	11
Дед и внук	13
Жатва	16
Новый хлеб	17
Ишим	19
Детство	20
Книга — друг мой	23
Бегут мои думы	25
Моя песня	26
В апреле	28
Цветы	29
Вечер	30
В роще	31
Осеннее	33
Лён	34
Не для нас ли с тобой?	36
Затуманилась быстра реченька	38
Сурские ткачи	39
Яблонька	40
Сын	42
Думы о матери	45
Знатный муж	47
Бабка сеяла горох	49
Селькор	51
Дитяtko	53

Сватаал меня Фролка	56
Добрый дядя	58
Щеголь	60

Песни

Пройдись по Пензенскому краю	61
Родина любимая	66
Цветет калина	68
Милая роща	72

Поэма

Калина	78
------------------	----

Смирнова Матрена Платоновна

КАЛИНА

Редактор **А. Анисимова.**

Оформление художника **В. Пензина.**

Художественный редактор **П. Милосердов.**

Технический редактор **Е. Воронкова.** Корректор **А. Храмова**

Сдано в набор **9/III—1963** г. Подписана к печати **10/XI—1963**

Формат **70x92'/32.** Объем: п. л. **3,125,** услов. печ. л. **3,65**

уч.-изд. л. **3,612.** Тираж **10 000.** ФЛ00085. Изд. № **117.**

Пензенское книжное издательство

Пенза, улица Кирова, 65.

Заказ **9032.** Типография изд-ва газеты «Пензенская правда»

Цена **20 коп.**